

УДК 821.161.1–1.09+929 Цветаева

КОНЦЕПЦИЯ ПРИРОДЫ В ПОЭМЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ «АВТОБУС»

Ю.Н. Ермилова

Педагогический институт Саратовского государственного университета
E-mail: jul.ermilova@yandex.ru

В статье предпринимается попытка включить поэму М. Цветаевой «Автобус» (1934–1936) в большую малоисследованную тему – концепция природы в творчестве поэта. Романтические представления М. Цветаевой о природе как мире гармоничном, совершенном, идеальном, стоящем вне социально-политических обстоятельств, формируют глубинную жизненную философию поэта, входят в сферу её представлений об этике и эстетике.

Ключевые слова: М. Цветаева, поэма, «Автобус», концепция природы, философия.

The Concept of Nature in the Poem by M. Tsvetayeva «Bus»

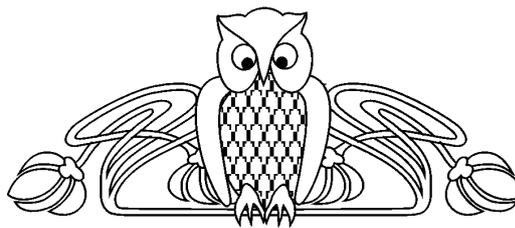
Yu.N. Yermilova

In this article an attempt is made to include the poem «Bus» by M. Tsvetayeva (1934–1936) in the large but poorly investigated subject – the concept of nature in the creative work of a poet. Tsvetayeva's romantic ideas of nature as harmonious, perfect, ideal world situated beyond socio-political circumstances, form the poet's deep philosophy of life and become part of her notions of ethics and aesthetics.

Key words: M. Tsvetayeva, poem, «Bus», concept of nature, philosophy.

Поэма «Автобус» (апрель 1934 – июнь 1936) относится к эмигрантскому периоду творчества Марины Ивановны Цветаевой; при публикации избранных произведений поэта в 1970–1990-е годы неоднократно входила в состав различных изданий. Однако особого внимания литературоведов не привлекла. Создавалась поэма в основном на протяжении двух лет: работа велась в апреле 1934 и мае–июне 1936 годов. По свидетельству А.С. Эфрон, в 1934 г. был написан черновой вариант I части поэмы. В декабре 1935 г. М. Цветаева несколько дней посвятила отделке начала и в конце мая до 16 июня 1936 г. после повторной авторской правки и значительной переработки I части в Ванве был написан последний вариант «Автобуса».

По существу, первый и наиболее значительный шаг в трактовке поэмы был сделан М.Л. Гаспаровым¹, который отметил полемическое начало цветаевской поэмы: эстетическое осмысление и неприятие Цветаевой новой поэтической манеры Б.Л. Пастернака (от книги «Сестра моя – жизнь» до «Второго рождения»). Вслед за Гаспаровым «пастернаковский подтекст» в поэме «Автобус» отмечали и рассматривали в своих работах О. Ронен², А.К. Жолковский³, С. Ельницкая⁴. Из исследований «нового» времени следует от-

метить статью Л.Ф. Кацис⁵, автор которой еще раз обращается к выяснению обстоятельств написания поэмы, пытаясь обнаружить «конкретную жизненную ситуацию(и), легшую(ие) в основу поэмы...»⁶

Безусловно, знание биографических фактов, сказавшихся при написании того или иного произведения, проясняет многое в творческом развитии художника. Но законы искусства сложнее, богаче и сложнее художественный, мировоззренческий контекст произведения, его эстетическая самоценность для определенного периода творчества. В этом смысле проделанная учеными работа по анализу поэмы «Автобус» представляется не окончательной. В данной статье предпринимается попытка включить поэму в большую малоисследованную тему – концепция природы в творчестве М. Цветаевой.

Концепция природы в поэзии М. Цветаевой обусловлена прежде всего философски: романтическими представлениями поэта о природе как мире гармоничном, совершенном, идеальном, стоящем вне социально-политических обстоятельств. Природа для М. Цветаевой – важнейшее жизненное ощущение, пронизывающее её существо и всю её литературную деятельность.

Отношение к природе отражает глубинную жизненную философию поэта, входит в сферу её представлений об этике и эстетике. Отношение к природе становится в один ряд с такими понятиями, как «духовность», «добро», «правда», и является своеобразным мерилем, определяющим степень нравственного развития человека. Подобным убеждением М. Цветаева руководствовалась всю жизнь. Она всерьез говорила, что когда при ней кто-то нежно и восторженно отзывается о том или ином дереве, тогда она себя чувствует польщенной, будто любят и хвалят не дерево, а ее самое, и в молодости, – писала она, – «мой вывод был скор: “Этот человек не может не любить – меня”»⁷.

Чувство природы, способность проникнуться её прелестью и очарованием оказывается важнейшим критерием человечности для героев её поэзии. Особенно ярко, максималистски отчётливо это выражено в поэме «Автобус». Построена поэма на антитезе мироощущения лирической героини и её спутника, который в силу своей духовной «толстокожести» равнодушен к красоте окружающего мира, и за это был решительно отвергнут героиней. Главный конфликт поэмы

развивается в сфере нравственно-этической и эстетической.

Сюжетная основа маленькой поэмы с истинно руссоистским пафосом отражает вечную антитезу: цивилизация и мир естества, нетронутой живой природы. Трагикомическим символом цивилизованного мира в поэме становится автобус, мчащийся пассажиров за город.

... Автобус скакал как бес,
По улицам, уже сноски,
Как бес оголтелый несся
И трясся ...
... и мы тряслись –
Как бесы ...

(Ш, кн. 2, с. 417)

Известно негативное отношение М. Цветаевой к «благам» цивилизации с её замкнутыми пространствами: метро, автомобилям, лифтам и т.д.: «Машина – порабощение природы, использование её всей в целях одного человека. Человек поработил природу, но, поработив природу, сам поработён орудием порабощения – машиной: сталью, железом, природой же. Человек, природу восстановив против самой себя, с самой себя стравив, победителем (машиной) раздавлен...» (IV, кн. 1, с. 124). Поэтому автобус в представлении лирической героини выступает как нечто чужеродное естественным отношениям (например, пешехода и дороги).

Бесконечная тряска неожиданно возымела и комический эффект:

Кто чем тряслись:
... Стеклярусом и костями –
Старушка, девицы – бюстом
И бусами, мать – грудным
Ребёнком, грудной – одним
Упитанным местом...
...От тряса родился – смех...
Безбожно-трясомых груш:
В младенчество впавших душ...

(Ш, кн. 2, с. 417)

По мере приближения к месту отдыха пассажиров охватывает предвкушение от скорой встречи с природой, которое преображает их на глазах, – они молодеют, точно возвращаются в детство, «в младенчество».

Непередаваемо скупо и точно обозначает поэт координаты времени и пространства в поэме:

Не за́ город тот дударь
Нас мчал – а за календарь.

(Ш, кн. 2, с. 417)

Вместе со всеми ощущает перемену в себе лирическая героиня, её охватывает «души восторг!». Она необъяснимо чувствует себя юной, озорной и влюблённой в спутника.

Вот наконец автобус, «как бык ошалелый», «описавши крюк / Крутой, не вкопался вдруг». Цветаевское «вдруг» здесь не случайно: на смену движению, смешной тряске пришел неожиданный покой и потрясение героини от величественной, божественной красоты. Знак умолчания в начале

следующей поэтической строфы подчеркивает силу впечатления, от которого захватывает дух...

...И лежит, как ей повелено –
С долами и взгорьями.
Господи, как было зелено,
Голубо, лазорево!

(Ш, кн. 2, с. 418)

Так автор обозначает контрастное соположение частей поэмы, проводя четкую границу между двумя мирами: технической цивилизацией и живым миром природы. Ощутимо меняется ритмический и интонационный строй, рифмовка стиха.

Перед великолепием раскинувшихся во все стороны, на сколько хватает глаз, «дол и взгорий» лирическая героиня сама застыла, как тот остановившийся «вдруг» автобус. Она словно увидела землю в первые дни её творения: «и лежит, как ей повелено». Лексико-синтаксическая конструкция откровенно созвучна библейскому изречению: «И был вечер, и было утро: день второй...»

И создал Бог твердь...

И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя, дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так...

И увидел Бог, что *это* хорошо» [Бытие 1:8, 11,12 / Первая книга Моисеева].

Время словно повернуло вспять для лирической героини, как будто автобус действительно умчал своих пассажиров «за календарь». Ничто (кроме автобуса, который тут же был позабыт) не напоминало о том, что где-то на земле есть шумные города, густонаселенные страны. Среди величественного безмолвия природы, где нет ничего, кроме воды, земли, скал, деревьев и чистого неба, лирическая героиня почувствовала себя, как в первые дни творения. И если раньше она была полна смятения, то теперь всё это куда-то отступило:

Отошла январским словом
Жизнь с её обидами.
Господи, как было молодо,
Зелено, невиданно!

(Ш, кн. 2, с. 418)

Повторы синтаксических конструкций I и II строф (3 строка: «Господи, как было зелено...» – «Господи, как было молодо...»), полная тождественность 1 и 3 строк III и IV строфы («каждою жилою – как по желобу...»), «зелень земли ударяла в голову...»), частичный повтор 2 строки («влажный, тревожный, зеленый шум...» и «влажный, валезный, зеленый дым...»), обилие риторических восклицаний – таково выражение предельного восторга лирической героини.

Она явственно ощущает, как из окружающего мира с весенними запахами, звуками, красками в неё вливаются свежие силы и как вместе с обновляющейся природой изменения происходят и в ней самой. Лирическая героиня до глубины своего существа проникается чудом этого дня.

Каждую жилию – как по желобу –
Влажный, тревожный, зеленый шум.
Зелень земли ударила в голову,
Освобождала её от дум.

(III, кн. 2, с. 418)

Причем изменения эти происходят не только внутри. Меняется внешность: возникает ощущение, что глаза становятся зеленее, «вишенный цвет» кажется цветом её лица (как в юности!). Кажется даже, что «явственно порусели волосы: проседи – ни следа!»

Мы видим, как природа и человек в поэме М. Цветаевой нарушают параллельный порядок движения, духовное и материальное сливаются. Здесь лирико-философское «Я» автора, погружённое в бытие природы, – это не только лишь условность, вторжение личностного начала в художественный образ. Природа как «зеркало души человека», природа с богатством психологических связей, с диалектикой лирического самовыражения героя, сознание собственной сопричастности живому миру – именно это явилось предметом внимания и переживания М. Цветаевой в поэме «Автобус», лирической по преимуществу.

В отличие от лирической героини её спутник глух и слеп к весеннему чуду пробуждения природы, не восприимчив к её красоте. Со снисходительной усмешкой взирает он на подругу, режущуюся, как дитя:

Я в руки, как в рог, трубила!
Я, кажется, прыгала?

(III, кн. 2, с. 419)

Поэтическое воображение лирической героини превращает рубашку спутника в паруса на бескрайних зеленых просторах равнины-океана: «на парусах тех душа собиралась плыть – океаны за окоём!». Но её душевный порыв не находит отклика:

Спутник в белом был – и тонок в поясе,
Тонок в поясе, а сердцем – толст!

(III, кн. 2, с. 419)

Физическая красота её товарища контрастна бесцветности его внутреннего мира; вместо ожидаемой сердечной чуткости и душевной тонкости в нём обнаруживается лишь духовная «толстокожесть».

Проявлению этого «свойства» способствовало по-разному воспринятое неожиданное видение: как будто во сне перед ними предстало цветущее дерево, подобно белому облаку, цветущему обвалу:

И какое-то дерево облаком целым –
Сновиденный, на нас устремленный обвал...

(III, кн. 2, с. 420)

Лирическая героиня очень остро ощущает это весеннее чудо и в восхищении замирает перед ним. Иная реакция у её друга. Он разрушает высокую гармонию, возникшую в сердце героини в эту минуту. С истинно чеховской убийственной антитезой состояния герой цветаевской поэмы внезапно изрек:

«Как цветная капуста под соусом белым!» –
Улыбнувшись приятно, мой спутник сказал.
(III, кн. 2, с. 420)

Не спасает и «приятная улыбка»: этой фразой, гастрономической ассоциацией «герой» поэмы самоуничтожен.

Со свойственным романтическому максимализму сознанием неразрывной связи природы и нравственности, природы и души человека М. Цветаева решительно выводит свой нравственный критерий ценности человека: способность сопереживать явлению природы либо её любому живому организму. Поэтому спутник героини, в котором дивный природный образ вызывает лишь гастрономический отклик, сугубо приземлённую ассоциацию, здесь безжалостно развенчан. Лирическая героиня считает меньшим злом «общение» с мародером и вором, нежели с подобными «гастрономами».

– С мародёром, с вором, но не дай с гастрономом,
Боже, дело иметь. Боже, в сене уснуть!

(III, кн. 2, с. 421)

Поэт выносит окончательный вердикт человеку, не способному духовно откликнуться на Красоту: не только отказывает ему в праве быть «царственно ... любимым», но и сознательно обезличивает его.

Ты, который так царственно мог бы – любимым
Быть, бессмертно-земным (подобным плющу!) –
Неким цветно-капустным пойдёшь анонимом
По устам: за цветущее дерево – мшу.

(III, кн. 2, с. 421)

Образ автора и образ природы здесь слиты воедино, проникая друг в друга и срастаясь. Поэт восхищается красотой и щедростью физической природы, как божественным творением, но здесь же привносит в неё красоту субъективную, нравственную. Природа в творчестве М. Цветаевой оказывается не только близка человеку и его присутствием осмыслена, она выходит за границы биологических законов и сливается с сознанием автора, являясь одним из важных факторов мировоззренческой позиции поэта.

В изображении природы, в осмыслении и развитии данной темы в своём творчестве М. Цветаева, безусловно, учитывает опыт предшествующей литературной традиции в постижении и способах воплощения образа природы, поэтов XIX века, философов, да и взгляды на природу человечества в целом. Ведь «художественный мир большого поэта на этапе его формирования – обширная, с трудно уловимыми границами зона, которая вбирает в себя самые разнообразные художественные открытия своего времени и своих предшественников, – подчеркивает исследователь стиля М. Цветаевой О. Клигг, – при этом усваивается опыт..., “чужое слово” вбирается на фоне еще не выявленных – а потому не менее противоречивых – собственных поэтических тенденций»⁸.

М. Цветаева остро восприимчива к историко-культурным явлениям самых разных пластов, её

творчество изобилует узнаваемыми реминисценциями и отголосками из современных и не современных ей авторов. Но ни в чьи последователи её не запишешь. Она ускользает из всяческих школ и концепций. Прислушиваясь ко всему, что ей близко, она придерживается своей, подчеркнута романтической, концепции: её героиня, как правило, одинокая среди людей, предпочитает оставаться наедине с природой, находит здесь покой, умиротворение, целебные токи.

Примечания

- ¹ *Гаспаров М.* «Гастрономический пейзаж» в поэме Марины Цветаевой «Автобус» // Русская речь. 1990. № 4. С. 20–26.
- ² *Ронен О.* Часы ученичества Марины Цветаевой // Новое литературное обозрение. 1992. № 1. С. 177–190.
- ³ *Жолковский А.* О заглавном тропе книги «Сестра моя –

УДК 821.161.1.09 + 929 [Солженицын + Скафтымов]

«ХУДОЖНИК И ЧЕЛОВЕК В ОДНОМ ЛИЦЕ»: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИИ БИОГРАФИЧЕСКОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАЧАЛ В ТВОРЧЕСТВЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА¹

Г.М. Алтынбаева

Саратовский государственный университет
E-mail: gulnarama@gmail.com

Скафтымовское определение «художник и человек в одном лице» прямо соотносимо с художественным методом А.И. Солженицына. Особое понимание художественного исследования, эстетическая позиция писателя-реалиста подтверждают научные размышления А.П. Скафтымова, предопределившего черты нового типа писателя и нового типа прозы XX века.

Ключевые слова: А.И. Солженицын, А.П. Скафтымов, автобиографизм, русская литература XX века.

«An Artist and a Human Being as One Entity»: to the Question of the Correlation and Interaction of the Biographical and Fictional Principles in the Creative Work of A.I. Solzhenitsyn

G.M. Altynbayeva

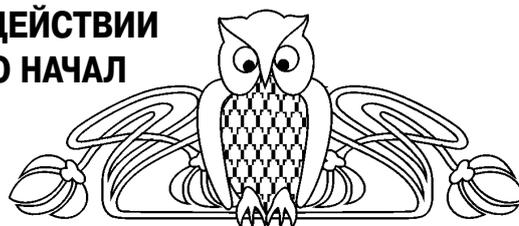
Skaftymov's definition of «an artist and a human being as one entity» is directly applicable to the creative method of A.I. Solzhenitsyn. Deep understanding of an artistic research, aesthetic approach of a realism writer corroborate the scientific thoughts of A.P. Skaftymov, who predetermined the characteristics of the new writer type and the new prose type of the XXth century.

Key words: A.I. Solzhenitsyn, A.P. Skaftymov, autobiography, Russian literature of the XX-th century.

А.П. Скафтымов в лекции 1922 г., посвящённой соотношению теоретического и исторического подходов к изучению литературы, даёт ценные рекомендации для исследователей художествен-

жизнь» // Stanford Slavic Studies. 1999. Vol. 21. P. 26–65.

- ⁴ *Ельницкая С.* Пастернаковский подтекст в поэме Цветаевой «Автобус» // Марина Цветаева и неизданное. М., 2002. С. 15–30.
- ⁵ *Кацис Л.* Анализ поэмы «Автобус», или Еще раз о Цветаевой, Пастернаке и Рильке // Стихия и разум в жизни и творчестве М. Цветаевой / XII Международная научно-тематическая конференция: сб. докл. М., 2005. С. 205–216.
- ⁶ *Кацис Л.* Указ. соч. С. 205.
- ⁷ *Цветаева М.* Письмо Т. Кваниной 17 ноября 1940 г., Москва / Письма // Цветаева М. Собр. соч.: в 7 т. / сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. М., 1994–1995. Т. 7, кн. 2. С. 256. (Далее сноски на произведения М. Цветаевой даны по данному изданию с указанием номера тома, книги и страницы.)
- ⁸ *Клинг О.* Поэтический стиль М. Цветаевой и приёмы символизма: притяжение и отталкивание // Вопросы литературы. 1992. Вып. 3. С. 76.

ной литературы, определяя условия, при которых необходимо учитывать личность биографического автора. «При теоретическом суждении о художнике, в авторе и должен изучаться только художник, потому что только эта сфера имеет значение для науки об эстетических фактах. Но при генетической постановке вопроса изучения одной этой стороны существа человека-художника мало. Художник и человек в одном лице, это – мир раздваивающийся, но не раздвоенный, не разрезанный, а только расходящийся концами. Если жизнь идеальных устремлений и реального пребывания являют собой два сосуда, то это все же сообщающиеся сосуды. Главнейший генетический вопрос, который сам стучится в наше сознание и должен предстать перед наукой о художественном творчестве, – это вопрос о соотношении между человеком и художником в одном лице. <...> Для того чтобы рассмотреть и констатировать преломление, нужно знать то, что преломилось, каково оно было до преломления и каким светом засияло, претворившись в душе художника. И всякий вопрос, каково бы мы ни коснулись в области процесса созидания, потребует от нас справок биографического характера. Вот уже и нужно изучение биографии»².

А.И. Солженицын в 1976 г. в «Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве» говорит